

М. А. Ионина

РАЗНЫЕ ПЕРЕВОДЫ КНИГИ ИОВА И ТВОРЧЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО 1870–1880 гг.

Эпоха XIX столетия отмечена бурным развитием переводческой деятельности. В области религиозного просвещения это время активного перевода на русский язык книг Священного Писания. Потребность в чтении Библии на родном, понятном языке как в кругах интеллигенции, так и в народной среде обусловила создание в 1812 г. Российского Библейского Общества. Однако в силу исторических причин полный текст перевода Священного Писания на русский язык, утвержденный Святейшим Синодом, был издан только в 1876 г. В течение этого периода предпринимались различные попытки перевода на русский язык отдельных книг Библии частными лицами.

В контексте творчества Достоевского нас прежде всего интересует перевод на русский язык ветхозаветной Книги Иова. Именно об этой книге писатель так эмоционально высказывается в письме к А. Г. Достоевской от 10 / 22 июня 1875 г., где он сообщает: «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг; бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача, и если б только не подлейшие примечания переводчика, то, может быть, я был бы счастлив. Эта книга, Аня, странно это — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем!» (29₂; 43) Влияние этой библейской книги сказалось в творчестве Достоевского в целом, особенно же — в процессе создания романов «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы». Однако благодаря исследованиям И. А. Чистовича известно, что к первой половине 1870-х гг. существовало по крайней мере четыре перевода Книги Иова на русский язык:

1. Перевод, предпринятый профессором еврейского и русского языков протоиереем Г. П. Павским в 1838–1839г. (не был опубликован);
2. В 1840-х г. переводом Книги Иова занимался архимандрит Макарий (Глухарев). Его перевод был опубликован в журнале «Православное обозрение» (1861. № 5);

3. В 1860 г. в Вятке был издан отдельной книгой перевод епископа Агафангела (Соловьева) с обширными примечаниями и комментариями переводчика;

4. Синодальный перевод Книги Иова (СПб., 1872).

Следовательно, возникает вопрос: какой из этих переводов использовал писатель в процессе работы над романами? К настоящему времени существует две точки зрения по этому вопросу. По мнению Н. Ефимовой, в детстве, когда он был «почти младенцем», Достоевский читал Книгу Иова на церковнославянском языке. Позднее, в 1875 г., в Эмсе он читал Иова во французском переводе Леруа.¹ С данным утверждением не соглашается Н. В. Балашов, который утверждает, что первой книгой для чтения в семье Достоевских были «Сто четыре истории Ветхого и Нового Завета» Иоганна Гибнера в переводе М. Соколова. В Эмсе же, по его мнению, Достоевский читал «Книгу Иова в русском переводе с краткими объяснениями», напечатанную в Вятке двумя изданиями в 1860 и 1861 гг. В своих рассуждениях Н. В. Балашов, в частности, опирается на описание библиотеки Достоевского, сделанное Л. П. Гроссманом.²

В свете всего сказанного нам представляется важным провести сопоставительный анализ вариантов русского перевода Книги Иова и фрагментов из текстов Достоевского (черновых и печатных), где эта библейская Книга так или иначе нашла отражение. В исследуемое поле будут включены романы «Подросток» и «Братья Карамазовы». Полагаем наиболее удобным начать анализ с подготовительных материалов к роману «Подросток».

Первый фрагмент:

«И ангелы Божии несовершенны, совершен и безгрешен один Бог наш Иисус Христос; ему и ангелы служат» (16; 140).

Иов. 4:18:

— *Макарий*: «Се! Слугам Своим Он не доверяет; и в Ангелах Своих усматривает недостатки».

— *Агафангел*: «Вот, Он слугам Своим не доверяет, и в Ангелах Своих усматривает недостатки!»

— *Синод.*: «Вот, Он и слугам Своим не доверяет; и в Ангелах Своих усматривает недостатки».

---

¹ См.: *Ефимова Н.* Мотив библейского Иова в «Братьях Карамазовых» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 125. [Как отметил Н. В. Балашов (см. след. примеч.), указание на «перевод Леруа» основано на недоразумении: на самом деле имеется в виду драма «Иов», принадлежащая перу французского христианского социалиста Пьера Леру. — *Ред.*]

² См.: *Балашов Н. В.* Иов с «подлейшими примечаниями»: что же читал Достоевский? // Достоевский и мировая культура. СПб., 1996. № 6. С. 82–86; *Балашов Н. В.* Спор о русской библии и Достоевский // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 10–11. [Отметим, что в Каталоге библиотеки Достоевского, составленном Л. П. Гроссманом, переводчик книги И. Гибнера не указан. Имя М. Соколова ошибочно названо в комментариях ЛСС (см.: 29₂; 214); правильно на принадлежность перевода В. Богородскому указано в изд.: Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции: научное описание. СПб., 2005. С. 109. — *Ред.*]

Отметим, что данная связь текста Достоевского с Книгой Иова впервые выявлена нами. Библейский текст включен в форме свободного парафраза. Писатель вводит в свой текст только вторую часть стиха, причем сопровождая ее личной интерпретацией смыслового содержания. Во всех трех переводах библейский текст второй части стиха тождествен и по форме, и по содержанию. Следовательно, не один из переводов не может быть наделен степенью большей близости к авторскому тексту.

Следующий фрагмент:

«И придешь ко гробу в старости, как колос к снопу в свое время» (16; 140).

Иов. 5: 26:

— *Макарий*: «Сойдешь в полноте во гроб, как восходит скирд снопов в свое время».

— *Агафангел*: «Ты придешь к гробу в старости, как колос к стогу в свое время».

— *Синод.*: «Войдешь во гроб в зрелости, как укладываются снопы пшеницы в свое время».

В данном фрагменте все четыре текста на уровне смыслового содержания представляются идентичными. Однако перевод Агафангела воспринимается как наиболее близкий авторскому тексту. Связано это с рядом элементов внешнего оформления текста. Порядковый и количественный состав слов в обоих фрагментах оказывается одинаковым. Значимым является факт использования слов с точным лексическим значением библейского контекста. Однако текст нельзя обозначить как графически нефиксированную цитату, так как местоимение «ты» в авторском тексте представлено союзом-связкой «и», и слово «стог» (библейский текст) заменено близким по смыслу словом «сноп».

Следующий случай:

«Все мы вчера только пришли и ничего еще не успели узнать» (16; 140).

Иов. 8: 9:

— *Макарий*: «Ибо мы вчерашние, и ничего не знаем, ибо дни наши на земле тень».

— *Агафангел*: «...ибо мы вчера явились и ничего не знаем; дни наши на земле — тень».

— *Синод.*: «А мы — вчерашние, и ничего не знаем, потому что наши дни на земле тень».

В подготовительных материалах библейский текст графически не отмечен как цитата. Однако Достоевский почти дословно передает смысловое содержание первой части библейского стиха, хотя совершенно не фиксирует в своем тексте вторую часть. Фрагмент организован в форме авторской интерпретации ветхозаветного текста. Рассматривая принцип организации данного предложения, надо отметить ряд существенно выразительных элементов, которые позволяют полагать, что писатель работает именно с библейским текстом Агафангела. Во-первых, в текст рукописных редакций вводится словосочетание «мы вчера», которое встречается только

в тексте Агафангела; в остальных переводах текст организован словосочетанием «мы вчерашние», которое дальше от текста Достоевского. Во-вторых, только в тексте Агафангела смысловое значение словосочетания «мы вчера» уточнено глаголом «явились». В процессе организации авторского текста происходит замена синонимичных слов («явились» на «пришли»). В других переводах текст первой части библейского стиха оформлен иначе. Таким образом, можно предположить, что в данном фрагменте текст Достоевского более близок переводу Агафангела.

Следующий фрагмент:

«Сказано: „Надежда лицемера погибнет, и безопасность его — дом паука“» (16; 140).

Иов. 8: 13,14:

— *Макарий*: «13. Таковы стези всех забывающих Бога; и надежда лицемера погибнет.

14. Опора его подсечена, и твердыня его — дом паука».

— *Агафангел*: «13. Таковы пути всех забывающих Бога! Надежда лицемера погибнет;

14. упование его подсечено; безопасность его — дом паука».

— *Синод.*: «13. Таковы пути всех забывающих Бога; и надежда лицемера погибнет;

14. Упование его подсечено, и уверенность его — дом паука».

Своеобразие данного фрагмента состоит в том, что он организован посредством частичного цитирования библейского текста. Авторский текст представлен сочетанием «концевых» фраз двух библейских стихов. Первая часть записи Достоевского «надежда лицемера погибнет» точно совпадает с библейским текстом, который в этой части одинаков во всех трех переводах. Однако перевод второй части стиха 14 принципиально различен по смысловому содержанию, и с текстом Достоевского совпадает лишь текст перевода Агафангела. Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что и в этом фрагменте авторский текст является точным, но графически не обозначенным цитированием текста Агафангела.

Далее:

«И погрузят тебя в такую грязь, „так что самые одежды твои возгнущаются тобою“ — вот что сказано» (16; 140).

Иов. 9: 31:

— *Макарий*: «...тогда Ты в ров погрузил бы меня, и возгнушались бы мною ризы мои».

— *Агафангел*: «...то и тогда погрузишь Ты меня в грязь, так что одежды возгнушаются мною».

— *Синод.*: «То и тогда Ты погрузишь меня в грязь, и возгнушаются мною одежды мои».

Библейский текст в данном фрагменте у Достоевского разбит на две части. Доказательством этому служит графическое отделение второй части библейского стиха, которая введена в текст наброска в форме цитаты. Однако очевидно, что в этом случае кавычки не оправдывают своего на-

значения — маркировки дословной передачи «чужого» текста в авторском. Текст Макария при анализе можно исключить из сферы внимания, так как его библейский перевод изобилует словами, которые далеки от текста Достоевского. Закавыченный текст является парафразом либо из перевода Агафангела, либо из Синодального перевода, так как в этой части текстовое поле двух переводов в значительной степени совпадает. Однако составной союз «так что» присутствует только в тексте Достоевского и в переводе Агафангела, что может свидетельствовать о родственности именно этих двух текстов.

Следующие два фрагмента:

«„О, если бы вы совсем молчали; это вменилось бы вам в мудрость“ (Иов, 13, 5)» (16; 140).

Иов. 13: 5:

— *Макарий*: «О, если бы вы только молчали! это вам было бы вменено в мудрость».

— *Агафангел*: «О если бы вы совсем молчали! это вменилось бы вам в мудрость».

— *Синод.*: «О, если бы вы только молчали! Это было бы вменено вам в мудрость».

«„Пышные слова ваши — как бугры глиняные“ (там же, 12)» (16; 140).

Иов. 13: 12:

— *Макарий*: «Пышные изречения ваши суть притчи пепельные, оплоты ваши подобны оплотам глиняным».

— *Агафангел*: «Изречения ваши суть притчи пепловые, бугры глиняные — пышные слова ваши».

— *Синод.*: «Напоминания ваши подобны пеплу; оплоты ваши оплоты глиняные».

Выразительна специфика двух этих фрагментов. В тексте Достоевского библейский стих графически выделен как цитата и сопровождается пометой, из какой главы ветхозаветной книги он взят. Тот факт, что он словесно точно (за исключением пунктуации в первом случае и порядка слов во втором) совпадает с библейским текстом Агафангела и существенно различается с библейским стихом у Макария и в Синодальном переводе, позволяет убедительно заявить, что писатель действительно работает с ветхозаветной книгой в переводе Агафангела.

Далее:

«Возревнование в вас первым делом: что ты знаешь, чего бы мы не знали? — вот ваш первейший вопрос» (16; 141).

Иов. 15: 9:

— *Макарий*: «Что знаешь ты, чего бы не знали мы? что разумеешь ты, чего не было бы у нас?»

— *Агафангел*: «Что ты знаешь, чего бы мы не знали? Что разумеешь ты, чего бы не было у нас?»

— *Синод.*: «Что знаешь ты, чего не знали бы мы? Что разумеешь ты, чего не было бы и у нас?»

В этом фрагменте принцип организации авторского текста остается прежним: писатель актуализирует лишь одну часть библейского стиха — первую: «что ты знаешь, чего бы мы не знали?» На уровне смыслового содержания ветхозаветного стиха все четыре текста абсолютно идентичны. Однако различаются структурой предложения. С точки зрения последовательности слов данный фрагмент у Достоевского является точной, но графически не выделенной цитатой библейского стиха в переводе Агафангела.

Следующий фрагмент:

«Невоздержанный и растленный человек, „пьющий беззаконие как воду“» (16; 141).

Иов. 15: 16:

— *Макарий*: «Кольми паче гнусный и растленный человек, пьющий беззаконие, как воду».

— *Агафангел*: «Кольми паче гнусный, растленный человек, пьющий беззаконие, как воду!»

— *Синод.*: «Тем больше нечист и растлен человек, пьющий беззаконие, как воду».

Данный фрагмент Достоевского можно разделить на две составные части. Первая часть («невоздержанный и растленный человек») является парафразом из ветхозаветной книги. Вторая часть — точным, графически выделенным цитированием завершающей фразы того же библейского стиха. Однако фрагмент, выделенный как цитата, дословно одинаков во всех четырех текстах. Очевидно, в данном случае невозможно дать однозначный ответ на интересующий нас вопрос.

Далее:

«Как ветер, развеется твоя слава, и, как облако, пройдет твое счастье» (16; 141).

Иов. 30: 15:

— *Макарий*: «Все у меня превратилось; ужас, как буря, развеял славу мою; и как облако унеслось мое спасение».

— *Агафангел*: «Обратились на меня ужасы! Ты, как ветер, развеял мою знаменитость, и как облако прошло мое счастье».

— *Синод.*: «Ужасы устремились на меня; как ветер, развеялось величие мое, и счастье мое унеслось, как облако».

В данном случае писатель так же, как и в предыдущих примерах, работает только со второй частью библейского стиха. По характеру содержания и по структуре предложения более близкими авторскому тексту являются переводы Агафангела и Синодального издания. Свидетельством тому служит введение в текст одних и тех же слов: «как ветер, развеял», а не «ужас, как буря», и — «счастье», а не «спасение» прошло «как облако». Однако, рассмотрев данный фрагмент более детально, можно заметить, что перевод Агафангела и здесь более близок тексту Достоевского. Во-первых, полностью совпадает порядок слов. Во-вторых, в семантическом аспекте Достоевский актуализирует форму слова «проходить», употребляя его в будущем времени. В тексте Синодального перевода исполь-

зовано слово «унеслось», которое имеет иной оттенок, хотя и близко по лексическому значению. Таким образом, можем снова предположить, что Достоевский работает именно с текстом Агафангела.

Последний случай³ в рассматриваемом блоке набросков Достоевского: «И умирают (блаженно и тихо), насытившись днями» (16; 141).

Иов. 42: 17:

— *Макарий*: «И умер Иов в старости, насыщенный жизнью».

— *Агафангел*: «И умер Иов старцем и насытился днями».

— *Синод.*: «И умер Иов в старости, насыщенный днями».

Здесь вновь невозможно однозначно утверждать, какой из переводов использован писателем. Во-первых, библейский стих вводится в форме парафраза. Следовательно, по принципу содержания сложно определить степень близости текстов. Во-вторых, одинаков состав слов во всех вариантах рассматриваемого библейского текста. Меняется только форма слов, но это не способствует выявлению степени близости тексту Достоевского.

Рассмотрим второй блок отражений Книги Иова в тексте набросков к «Подростку». Примечательно, что в отличие от прежде рассмотренных фрагментов он расположен почти в заключительной части подготовительных материалов, что позволяет допустить качественные изменения в работе с библейским текстом. В текстовое поле набросков Достоевского ветхозаветный текст вводится трижды.⁴ Все три фрагмента можно определить как более или менее близкие парафразы. Отметим, что на этом этапе Достоевский ограничивается прежним, рассмотренным выше кругом заимствований из Книги Иова, однако в меньшем количестве.

Первый парафраз — точное повторение фрагмента, рассмотренного выше: «И ангелы Божии несовершенны, совершен и безгрешен один Бог наш Иисус Христос; ему и ангелы служат» (16; 403).

Следующие два эпизода, в которых отмечено бытование ветхозаветного текста, также введены в подготовительные материалы повторно, однако имеют место некоторые отличия:

«— И погрузил меня в грязь, так что самые одежды возгнушались мною»

и «— Как ветер, развеялась моя слава, и, как облако, прошло мое счастье» (16; 403).

---

³ Н. В. Балашов указывает (см.: Достоевский и мировая культура. № 6. С. 86) еще один стих Книги Иова: «Не порицаете ли вы только слова? Но слова отчаянного летят на ветер» (Иов. 6: 26), который процитирован в записи Достоевского на рассматриваемых страницах подготовительных материалов: «Сказано: „Слова отчаянного летят на ветер“» (16; 140). Эта же цитата дословно повторена в набросках на отдельном листке к третьей части «Подростка» (см.: 16; 403) и в окончательном тексте романа (см.: 13; 318). Дополнительно укажем на открывающий ряд выписок Достоевского из Книги Иова набросок: «А зависть — зависть умерщвляет всего человека, зависть с собой смерть несет» (16; 140), восходящий к следующему библейскому стиху: «Да! Глупца убивает досада и несмысленного умерщвляет зависть» (Иов. 5: 2). Эти примеры также подтверждают тезис автора статьи о чтении Достоевским именно перевода еп. Агафангела. — *Ред.*

⁴ Указание на четвертый случай см. в предшеств. примеч. (от редактора).

В этом случае ни один из парафразов графически не выделен как цитата. Изменена по сравнению с примерами из первого блока грамматическая структура предложения: личные местоимения введены в форме первого лица и высказывание организовано в прошедшем времени. Однако эти отличия принципиально не опровергают и не доказывают нашего предположения о том, с каким текстом работает писатель. Тот факт, что заключительная часть подготовительных материалов представлена бытованием тех же фрагментов ветхозаветного текста, что и начальная, может быть интерпретирован как авторская установка на работу с одним и тем же переводом Книги Иова.

В контексте исследуемого вопроса перейдем к анализу цитирования Книги Иова в окончательном тексте романа «Подросток». Отметим, что всего таких случаев шесть и пять из них впервые выявлены нами.⁵ В большинстве фрагментов библейский текст вводится в форме графически не выделенной, неточной цитаты и воспринимается как слово Достоевского (или кого-то из его героев). Такой способ организации интертекста резко ограничивает набор вариантов сопоставления текстов.

Рассмотрим первый фрагмент:

«Трудно человеку знать про всякий грех, что грешно, а что нет: тайна тут, превосходящая ум человеческий. Старец же должен быть доволен во всякое время, а умирать должен в полном цвете ума своего, блаженно и благолепно, насытившись днями, вздыхая на последний час свой и радуясь, отходя, как колос к снопу, и восполнивши тайну свою» (13; 287).

Иов. 42: 17:

— *Макарий*: «И умер Иов в старости, насыщенный жизнью».

Агафангел: «И умер Иов старцем и насытился днями».

— *Синод.*: «И умер Иов в старости, насыщенный днями».

Иов. 5: 26:

— *Макарий*: «Сойдешь в полноте во гроб, как восходит скирд снопов в свое время».

— *Агафангел*: «Ты придешь к гробу в старости, как колос к стогу в свое время».

— *Синод.*: «Войдешь во гроб в зрелости, как укладываются снопы пшеницы в свое время».

Бытование ветхозаветного текста в рамках данного текстового поля романа явлено дважды. В первом случае оно представлено «разнесенной» цитатой библейского стиха: «Старец <...> умирать должен, <...> насытившись днями». Во втором — сравнительным оборотом, заимствованным из библейского текста: «отходя, как колос к снопу». Слово «старец» актуально только для двух текстов — романного и перевода Агафангела.

⁵ Ср. случаи интертекстуальной связи текста Достоевского с Книгой Иова, выявленные в новейшем комментарии к роману «Подросток» в издании: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 18 томах. М., 2004. Т. 10. С. 503, 510, 511, 514, — где, однако, с наблюдениями, сделанными автором настоящей статьи, есть только две переклички (причем одна из них также восходит к комментарию в академическом ПСС). — Ред.

Высказывание «как колос к снопу» по структуре внешнего оформления (порядок и количество слов) наиболее близко соотносится с переводом Агафангела. Таким образом, еще раз подтверждается вероятность нашего предположения.

Следующий фрагмент:

«„Мне бы не здесь быть, — сам говорил про себя, — мне в университете профессором только быть, а я в грязь погружен так, что и „самые одежды мои возгнушались мною“» (13; 317).

Иов. 9: 31:

— *Макарий*: «...тогда Ты в ров погрузил бы меня, и возгнушались бы мною ризы мои».

— *Агафангел*: «...то и тогда погрузишь Ты меня в грязь, так что одежды возгнушаются мною».

— *Синод.*: «То и тогда Ты погрузишь меня в грязь, и возгнушаются мною одежды мои».

Это фрагмент, где в печатном тексте цитата из Ветхого Завета впервые графически выделяется кавычками. Однако автор при этом не сохраняет точность библейского стиха, что могло бы послужить доказательством или опровержением нашего предположения. При соотнесении с текстом подготовительных материалов существенных изменений в данном варианте не выявлено, кроме тех, которые обусловлены романским контекстом (повествование ведется от первого лица и оформлено как прямая речь). Очевидно, что на наше предположение эти факты не оказывают существенного влияния.

Рассмотрим следующий эпизод:

«В поправление меня, говорит, отдал Господь всем людям, яко же некоего изверга, то уж пусть так и будет. Как ветер, говорит, развеялась слава моя» (13; 318).

Иов. 30: 15:

— *Макарий*: «Все у меня превратилось; ужас, как буря, развеял славу мою; и как облако унеслось мое спасение».

— *Агафангел*: «Обратились на меня ужасы! Ты, как ветер, развеял мою знаменитость, и как облако прошло мое счастье».

— *Синод.*: «Ужасы устремились на меня; как ветер, развеялось величие мое, и счастье мое унеслось, как облако».

Достоевский актуализирует фрагмент библейского стиха еще в меньшей степени, чем в тексте чернового наброска, и оформляет его как прямую речь героя. Библейский стих в таком употреблении приобретает окраску нейтрального высказывания, что на уровне экспрессивного восприятия более характерно для текста Синодального издания. Хотя совпадение такого рода можно расценивать как случайное, все же такой способ организации интертекста бросает тень сомнения на наше предположение.

Следующий фрагмент:

«И еще то вспомни, что и ангелы Божии несовершенны, а безгрешен токмо один Бог наш Иисус Христос, ему же ангелы служат» (13; 318).

Иов. 4: 18:

— *Макарий*: «Се! Слугам Своим Он не доверяет; и в Ангелах Своих усматривает недостатки».

— *Агафангел*: «Вот, Он слугам Своим не доверяет, и в Ангелах Своих усматривает недостатки!»

— *Синод.*: «Вот, Он и слугам Своим не доверяет; и в Ангелах Своих усматривает недостатки».

Под влиянием контекста романа немного изменился количественный состав и порядок слов этого библейского парафраза. Стилистические изменения («один» / «токмо один») усиливают характер принадлежности героя к определенному социальному кругу. Однако в аспектах смыслового и структурного содержания тексты белого и черного вариантов подобны. Следовательно, можно сделать вывод, что и на этом этапе писатель работает с текстом Агафангела.

Обратимся к последнему случаю цитирования Книги Иова:

«Ныне урок житию моему приспел. В старости обрел утешение от всех скорбей <...>. Было у меня сегодня, после утренней молитвы, такое в сердце чувство, что уже более отсюда не выйду; сказано было. Ну и что же, да будет благословенно имя Господне, только на вас еще на всех наглядеться хочется» (13; 330).

Иов. 1: 21:

— *Макарий*: «Поклонился, и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, и наг возвращусь... туда! Иегова дал, и Иегова взял: да будет имя Иеговы благословенно!»

— *Агафангел*: «И сказал: наг я вышел из чрева матери своей, наг и возвращусь туда (в недра матери-земли); Иегова дал, Иегова и взял; да будет имя Иеговы благословенно!»

— *Синод.*: «...и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; (как угодно было Господу, так и сделалось); да будет имя Господне благословенно!»

Как и в ряде предыдущих случаев, этот фрагмент авторского текста включает частичное цитирование библейского стиха. В более полном объеме этот стих войдет в текст романа «Братья Карамазовы». Цитата графически не выделена кавычками, но введена дословно. Данный библейский стих входит в текстовое поле романа впервые, что принципиально обновляет ситуацию нашего анализа. Однако, возвращаясь к рассмотрению самих переводов ветхозаветной книги, замечаем, что все три перевода почти одинаковы и по структуре, и по содержанию. Отличие состоит лишь в том, какой из вариантов имен Бога используется автором. В этом случае, казалось бы, тексту Синодального издания необходимо отдать приоритет, а переводы Макария и Агафангела исключить (у Достоевского Бог именуется Господом, а не Иеговой). Однако очевидна субъективность такого предположения, ведь называть Бога именем *Иегова* не свойственно для православной традиции. Таким образом, можем заключить, что дан-

ный фрагмент не выявляет актуальность какого-либо единственного библейского перевода.⁶

Теперь обратимся к последнему роману Достоевского «Братья Карамазовы». Отметим, что бытование Книги Иова в качестве «цитаты» во всем текстовом поле романа выявлено только в одном эпизоде, и только в белом тексте. Однако оно представлено широким спектром элементов цитирования:

«Был муж в земле Уц, правдивый и благочестивый, и было у него столько-то богатства <...>. И вот восходит к богу диавол вместе с сынами божьими и говорит господу, что прошел по всей земле и под землею. „А видел ли раба моего Иова?“ — спрашивает его бог. И похвалился бог диаволу, указав на великого святого раба своего. И усмехнулся диавол на слова божии: „Предай его мне и увидишь, что возропщет раб твой и проклянет твое имя“. И предал бог своего праведника, столь им любимого, диаволу, и поразил диавол детей его, и скот его, и разметал богатство его, все вдруг, как божьим громом, и разодрал Иов одежды свои, и бросился на землю, и возопил: „Наг вышел из чрева матери, наг и возвращусь в землю, бог дал, бог и взял. Буди имя господне благословенно отныне и до века!“» (14; 264).

Данный эпизод организован как вольный пересказ первой главы ветхозаветной книги. Оформлено это в тексте рассказом старца Зосимы о своих детских впечатлениях, после первой сознательной встречи со Словом Божиим. Значимым представляется тот факт, что из библейских стихов главы цитируются только первый и предпоследний.

Рассмотрим первый фрагмент:

«Был муж в земле Уц» (14; 264).

Иов. 1: 1:

— *Макарий*: «Человек был в земле Уц...»

— *Агафангел*: «Был муж в земле Уц...»

— *Синод.*: «Был человек в земле Уц...»

Переводы библейского стиха во всех трех текстах различны. Очевидным является тот факт, что фрагменты текста авторского и Агафангела совпадают дословно.

Рассмотрим второй фрагмент:

«Разодрал Иов одежды свои, и бросился на землю, и возопил: „Наг вышел из чрева матери, наг и возвращусь в землю, бог дал, бог и взял. Буди имя господне благословенно отныне и до века!“» (14; 264).

Иов. 1: 20–21:

— *Макарий*: «20. Тогда восстал Иов, и разодрал верхнюю одежду свою, и остриг голову свою, и пал на землю, и

21. Поклонился, и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, и наг возвращусь... туда! Иегова дал, и Иегова взял: да будет имя Иеговы благословенно!»

---

⁶ Необходимо учесть, что эта же библейская формула тождественно повторяется в Псалтири: «Да будет имя Господне благословенно отныне и вовек» (Пс. 112: 2). — *Ред.*

— *Агафангел*: «20. И встал Иов, разодрал одежду свою, остриг голову свою, повергся на землю и молился.

21. И сказал: наг я вышел из чрева матери своей, наг и возвращусь туда (в недра матери—земли); Иегова дал, Иегова и взял; да будет имя Иеговы благословенно!»

— *Синод.*: «20. Тогда Иов встал, и разодрал верхнюю одежду свою, остриг голову свою, и пал на землю и поклонился,

21. и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; (как угодно было Господу, так и сделалось); да будет имя Господне благословенно!»

Фрагмент начинается парафразом библейского стиха. В этом пункте значимыми представляются несколько элементов, подтверждающих формирующуюся тенденцию актуальности перевода Агафангела. Во-первых, в авторский текст дословно включено выражение: «разодрал одежду», а не «разодрал **верхнюю** одежду». Во-вторых, на уровне семантики слову «бросился» у Достоевского ближе значение «повергся», нежели «пал», так как оно точнее передает смысловую интонацию. Затем отметим, что, с точки зрения этимологии, слова «возопил» и «молился» в церковнославянском языке воспринимаются как подобные. Значение слова «поклонился» (перевод Макария и Синод. изд.) в данном контексте воспринимается едва ли не как антонимичное слову «возопил».

Второй библейский стих введен в текст романа в качестве неточной цитаты. Применительно к этому случаю тексты библейских переводов можно обозначить как дублирующие. Единственное отличие перевода Агафангела от переводов Макария и Синодального издания состоит в том, что в нем используется притяжательное местоимение «своей», в то время как в других переводах «моей». Однако в тексте Достоевского оно вовсе отсутствует.⁷ Таким образом, сохраняет свою силу предположение, что перевод Агафангела не утрачивает своей актуальности и на этапе работы писателя над романом «Братья Карамазовы».

При обобщении вышесказанного закономерным представляется вывод о том, что на этапе работы Достоевского над романами «Подросток» и «Братья Карамазовы» в ряду рассмотренных трех переводов Книги Иова наиболее актуальным для него был перевод Агафангела. Таким образом, наш конкретный текстуальный анализ вполне подтверждает точку зрения Н. В. Балашова.

---

⁷ Последнее восклицание Иова у Достоевского: «**Буди имя Господне благословенно отныне и до века!**» приведено по-церковно-славянски: ср. «...**буди имя Господне благословенно вовеки**» (Иов. 1: 21); причем вариант «Братьев Карамазовых», отличающийся от Книги Иова в завершающем словосочетании, тождествен славянскому стиху Псалтири (см. предшеств. примеч.): «Буди имя Господне благословенно **от ныне и до века**» (Пс. 112: 2). — *Ред.*